

С КАЖДЫМ новым театральным сезоном зритель связывает новые надежды. Будет ли он сопряжен с удачами и творческими открытиями, с победами и взлетами? Будут ли волновать дебюты? Насколько самобытным станет репертуар?

Прошедший год превратил театральные афиши многих интересных коллективов в некий стереотип. К концу сезона руководители театров вдруг с изумлением обнаруживали, что афиши знакомы до мелочей: «Человек со стороны», «Валентин и Валентина», «Служивцы», «Солдатская вдова»... А что особенного? Везде эти спектакли идут, в том числе и в столице. — снисходительно улыбаясь, говорят в театрах. Вот мы поставили...

Когда-то была в театральной жизни Ярославля отличная традиция — каждый новый сезон открывать «Федором Волковым», постоянно и трепетно работая над этим мемориальным спектаклем, совершенствовать его, превращая открытие сезона в праздник, а сам спектакль — в событие театральной жизни города.

Хочется надеяться, что «Федор Волков» все-таки вернется на сцену.

В последние годы современное лицо театра определили «Посольский дневник» С. Дангулова, «Человек и глобус» В. Лаврентьева, «Снег» Ю. Чепурина, «Единственный свидетель» А. и П. Тур. В поиске современного героя выразилась внутренняя потребность театра, режиссера-постановщика этих спектаклей народного артиста СССР Ф. Шишгина — постигнуть жизнь современника, разобраться в ее духовной наполненности, философской насыщенности.

Нет, несколько не отошел в прошлое «старый тип» героизма — подвиг человека, беззаветно отдающего себя и свою жизнь борьбе за торжество наших великих идеалов, против сил уходящего в прошлое мира.

И не ушли из нашей памяти спектакли, запечатлевшие здесь, на ярославской сцене, удивительных героев революционного подвига: Николая Репнина («Посольский дневник»), Георгия Бармина («Человек и глобус»), Павла Жихарева («Снег»), Михаила Ермакова («Твой дядя Миша»). Герои этих спектаклей покоряли внутренней убежденностью, преданностью коммунистическим идеалам, верой в правоту и значительность дела, которому служат и отдают все силы.

Но получение заслуженное одобрение зрителей, спектакли эти, к сожалению, быстро исче-

зают с афиши. Исчезают потому, что тускнеют, теряют свежесть, напряженность ритма. Проходит месяц, другой — куда девалась та гордая оганка, с которой спектакль появился на свет? Где же то творческое гоение, жизнь и душа, которые, честное слово, не могли не затронуть сердце на первых спектаклях? Разве не может спектакль жить годами, не старея, не теряя своей праздничности, азылоуанности? А между

ственная проблема оказывается сверхзадачей, — вторит ему другой «Позвольте не согласиться!» — возражает третий. — Сверхзадачей любой пьесы всегда была и останется проблема человеческая — моральная, этическая, нравственная...»

Проблемы, поднятые И. Дворецким в пьесе «Человек со стороны» — о новых методах руководства, о новом облике руководителя на производстве, — тоже

его рисовку... Говорят, что человечность Чешкова не лежит на поверхности, что якобы это и есть «не выставляющий себя напоказ гуманизм человека 70-х годов, руководителя нового типа, стремящегося шагнуть дальше...». Да, Чешков — членовидит болтовню, красноречие. Но почему так хочется, чтобы и в цехе, а не только дома был он не сухарь, не камень на петушащий зазвонка, а человек, чувствующий и

ТЕАТРУ НУЖНЫ интересные, творчески смелые режиссеры — мысль эта не нуждается в доказательствах. Однако утверждение о том, что каждый актер театра, в принципе, может быть неплохим режиссером, сомнительно. Ставить надо не только грамотно, не только профессионально (а некоторым постановкам, чего греха таить, недостает и профессионализма), но еще и талантливо... Большинство же спектаклей минувшего сезона (за исключением, пожалуй, «Штурманское грядущих бурь») поставлено либо актерами, либо стажерами. Конечно, Н. Коваль при всех недостатках пьесы «Валентин и Валентина» попытался углубить ее содержание, «одухотворить» героев пьесы. Но, к сожалению, остались в спектакле инфантильные новоязленые Ромео и Джульетты, которые только и делают, что виноваго встречаются на улицах и в подворотнях, опустив глаза долу и нисколько не пытаясь отстоять свое чувство, тем самым обижая его заурядность и обыденность... Но ведь не сострадание к «униженным и оскорбленным» Валентином должна вызывать эта постановка!..

Последняя премьера сезона — «Как в отдалении» А. Покровского — не внесла ничего нового в атмосферу театрального Ярославля. В этом спектакле искренне и интересно играют молодые выпускники нашего театрального училища Сергеевы. И все же хотелось бы, чтобы их талантливость мы ощутили в другом спектакле. Молодежь, которая пришла в театр, есть чему поучиться у старейших мастеров волоковской сцены, и подобный «проходной» материал вряд ли откроет в актерат новые черточки.

СЕЗОН НАЧИНАЕТСЯ. Впереди новые спектакли. Какими премьерами порадовать нас волоковцы? Что поставит из классики? Минувший год не дал нам, заметим, ни одного классического спектакля. Предстоящий театральный сезон чрезвычайно ответственный. Это год 50-летия образования СССР, год серьезнейшего творческого отчета мастеров культуры перед народом, перед временем. «Советский народ заинтересован в создании таких произведений, в которых бы правдиво отражалась действительность, с большой художественной силой утверждались идеи коммунизма». Так определил задачи советских работников культуры, искусства XXIV съезд партии. Они, эти задачи, — боевая программа творческой деятельности театра имени Ф. Г. Волкова. И их надо активной превратить в жизнь.

М. ВАНШОВА

„ЗА“ И „ПРОТИВ“...

Сегодня академический театр имени Ф. Г. Волкова начинает свой 223-й сезон

тем нет в афише «Посольского дневника». Спектакль «Человек и глобус» прошел в минувшем году, должно быть, только один раз... Неизвестно, что ждет и спектакль «Снег» — а ведь работу С. М. Тихонова в роли В. И. Ленина надо бережеть! А спектакль о Некрасове? Всегда ли звучит он как страстный, поэтический, захватывающий своей эмоциональностью монолог режиссера-публициста? Или азылоуанность и поэзия сопутствуют лишь «давам»? Сошел с афиши «Недоросль» — его с удовольствием бы и не один раз посмотрели школьники.

Не тускнели бы спектакли, не расшатывались бы «винтики и колесики» вещей масштабных, необходимых и очень нужных сегодняшнему зрителю, не было бы нужды говорить сегодня о стереотипности афиши волоковцев.

ПО ЗАМЫСЛУ драматурга И. Дворецкого, герой пьесы «Человек со стороны» инженер Алексей Чешков вполне современен. К нему, пожалуй, нельзя применить эпитет «положительный» или «отрицательный». Он деятелен, энергичен, талантлив. Недаром так настойчиво приглашают и чуть ли не уносят его на Нерезкий металлургический завод, чтобы вытащить один из важнейших участков из застарелого прорыва.

О пьесе и о Чешкове много спорят. Дискуссии остры и поучительны. «Драматург сталкивает не столько человеческие характеры, сколько методы руководства производством», — пишет один из критиков, «Производ-

проблемы человеческих отношений».

Как же решает режиссер, народный артист РСФСР В. Салопов непримиримый конфликт между козностью и непрактичностью одних и яростным максимализмом Чешкова? Почему приходится слышать от некоторых зрителей — вот, мол, еще одна вариация старой, как мир, темы — новаторы и консерваторы... Но старые марки и шаблоны никак не могут пригодиться. Вопрос в другом — сумел ли режиссер осветить важные моменты пьесы, дать свой взгляд на характер Чешкова?..

Чешков — Л. Бутенин сразу же ведет себя так, словно он на голову выше других. Да, он безжалостно раздвигается с ложью во спасение — и ней частично прибегали на заводе до его прихода. Да, он яростно утверждает: «Я доброту понимаю иначе». Но в действительности Чешков в ярославском спектакле часто оказывается и резким, и грубым, и несправедливым. Он не успевает разглянуть возникающего перед ним человека, судит его каждый раз резко, поспешно, и эта его поспешность не отягчается болью в нем самом. Эта резкость, необычная уверенность способна привлечь внимание зрителя, но потом незамедлительно обнаруживается, что дело есть провал — страшный, зияющий, точно пропасть... Чешков появляется на сцене хмурый и усталый, повнеблужительно, презрительно-равнодушно разговаривая с собеседниками, а то и уничижая их окриком. В Чешкове — Бутенине много рисовки, позы, актерства...

Режиссер, кажется, даже поощря-

понимающий собеседника. Вспоминаю историю советской драматургии и кинодраматургии, думаешь об образах настоящих коммунистов-ленинцев, будь то академик Дронов («Все остается людям») или Егор Грубников, коммунист Бармин или коммунист Михаил Ермаков. И сердце и симпатии наши всегда отданы характеру сильному, захватывающему нас своими поступками — патристическими, гуманистическими, требующими отдачи всех физических и нравственных сил.

Опыт постановки «современной хроники» И. Дворецкого в Москве и в Ленинграде говорит о том, что удача сопутствует прежде всего тому спектаклю, в котором инженер Чешков не только одержим производством, но прежде всего человек. В нашем спектакле режиссерскую сверхзадачу определяет финальный возглас Чешкова — «Есть себестоимость». И вот — он и она — поднимаются по торжественным ступеням в новую даль, а там, перебиваясь всеми цветами радуги, летят, освещая зрительный зал отблесками сияния, кипающая театральная сталь... Эта помпезность и, в худшем смысле слова, оперность снимает почти все ценное, что было найдено в спектакле актерами.

Даже в спектакле «Служивцы» каменистость, мужская «деревянность» директора учреждения Калугиной проходила, уступая место естественному интересу к людям. Пристальнее разглядеть человека, понять душу другого Чешкову дано не всегда. Для него существуют лишь служба, производство,